Текст · 19 мая 2022, 11:07
Ольга Ромашова,

Z упала, V пропала. Литературовед, историк и культуролог отвечают на вопросы «Медиазоны» о символах войны

С первых дней вторжения в Украину российская пропаганда находится в поиске символа, способного объединить тех, кто одобряет войну. За три месяца в этом качестве успели опробовать латинские буквы *Z* и *V*, которые наносили на армейскую технику, изображения пенсионерки Анны Ивановой, встретившей украинских солдат с советским флагом, а совсем недавно — образ мальчика Алеши из Белгородской области, который бегает провожать уходящие на войну танки. «Медиазона» поговорила с тремя учеными о том, почему власть оказалась столь одержима символами и какое влияние они имеют на умы россиян.

Почему российские пропагандисты используют в войне с Украиной символы советского периода и тему «борьбы с нацизмом» (и какие последствия это будет иметь)?

Илья Кукулин, литературовед, кандидат филологических наук, бывший доцент Высшей школы экономики

Нынешнее перерождение символики, которая ассоциировалась в СССР со Второй мировой войной, имело длинную предысторию, и в ней можно выделить две фазы.

Первая фаза — это 1990-е годы, когда жители постсоветской России обнаружили, что у них нет никаких способов почувствовать себя единой осмысленной социальной общностью, кроме тех, что были выработаны советской культурой, причем выработаны не стихийно, а как результат деятельности государственной пропаганды, журналистов и партийных работников.

Все эти праздники — 1 Мая, 7 Ноября — оказались лишенными смысла, потому что государство, которое их ввело, больше не существовало. И только День Победы, отмечавшийся в СССР и постсоветской России 9 мая, оказался, как говорят ученые, «местом памяти» для всего общества в целом — или для его значительной части.

Одна из главных больших проблем российского общества в 1990-е годы состояла в том, что руководители страны, часто преследуя вполне благие цели демократизации и построения рыночной экономики, воспринимали себя скорее как менеджеров, чем как политиков. К сожалению, они совсем упустили из виду, что они были поставлены ходом истории в положение еще и коллективных психотерапевтов; и политикам, и журналистам стоило бы объяснять людям из поколений, которые провели несколько десятилетий при советской власти, что их жизнь была прожита не зря, несмотря

на то, что они работали на государство, которое рухнуло.

Из советской пропаганды и речей партийных чиновников следовало, что смысл жизни — служение государству, поддержка его существования и обеспечение светлого будущего с помощью государства и благодаря государству, что, конечно, глубоко аморально, потому что смысл жизни человека не может быть передоверен таким идолам. Жизнь людей была осмысленной тогда, когда они любили мужей, жен, детей и внуков, помогали ближним.

Эта работа — коллективных психотерапевтов — могла нравиться или не нравиться журналистам и политикам, но жалко, что они не приняли на себя такую ответственность. С другой стороны, ситуация 1990-х годов исторически была во многом беспрецедентной, поэтому я скорее считаю, что это их беда. Но это трагическое непонимание имело далеко идущие исторические последствия, еще более страшные.

9 мая в Советском Союзе День Победы отмечали отдельно от 8 мая в Европе. Этот день был оформлен в качестве символа победы в войне, причем не во Второй мировой, а в Великой Отечественной. Великая Отечественная война — это искусственно вырезанный кусок Второй мировой войны, нужный для того, чтобы рассматривать отдельно войну Германии с Советским Союзом, при этом поменьше замечать войну Германии с другими странами и вообще не замечать начального периода войны, когда Сталин и Гитлер были союзниками.

Очень мало говорили про гонения гитлеровцев на евреев, совсем не рассказывали про гонения гитлеровцев на цыган (или, как сейчас говорят, синти и рома), совсем не рассказывали про гонения гитлеровцев на геев. Обо всем этом знали только специалисты, если хотели.

Прежде всего, в Советском Союзе говорили, что Гитлер ненавидел славян и коммунистов. Это правда, но не вся правда. Простой пример такого смещения — когда про расстрелы евреев на советской территории говорили, что здесь было расстреляно столько-то тысяч советских граждан. Да, убитые евреи были советскими гражданами. Но убиты они были за то, что они были евреи.

Великая Отечественная война — пропагандистский конструкт, но люди в него верили. Они считали, что именно это и только это придает смысл их жизни.

Война изображалась в книгах, в кино, в речах партийных чиновников как пережитая всеми вместе беда, но эта же беда была объявлена еще и аскезой:

мы переживали войну, значит, мы можем пережить любые трудности, потому что мы герои. Вот это все вместе в 1990-е годы очень срезонировало, потому что, повторяю, 9 Мая осталось последним таким и самым важным праздником, через который люди чувствовали свою общность с другими, живущими в России, и осмысленность своего существования как исторических субъектов.

Второй этап этой истории начался с 2000-х годов, вскоре после прихода к власти Владимира Путина. Отчасти в результате этой смены власти, отчасти просто в результате трансформации российских политических элит в сторону все большего цинизма государство стало такую «вторично советизированную» память о войне использовать в политтехнологических целях. Она стала инструментом создания новой гражданской религии.

Эта гражданская религия предполагает, что нынешняя Россия якобы наследует Советскому Союзу как стране-победителю. А сталинский концепт Великой Отечественной войны предполагает, что СССР — главный или даже единственный победитель.

Врагами СССР в той войне были нацисты. И теперь усилиями пропагандистов и политтехнологов в сознание людей вбивается мысль: тот, кто противостоит российскому государству, является наследником нацистов. Об этой искусственной связке уже не раз писали коллеги в марте-апреле — Иван Давыдов, Илья Будрайтскис... Может быть, я чьи-то статьи пропустил.

Сейчас слово «нацист» является абсолютно, как говорят ученые-гуманитарии, семантически опустошенным. Это знак, в который можно вложить любое значение, которое захотят власти, которое захочет пропаганда.

Думаю, что в будущем такая «аннексия памяти» приведет к тому, что эта дата либо вообще перестанет быть праздником, либо его будут отмечать только упертые сторонники нынешнего режима — я думаю, что общество при любом раскладе, скорее всего, и на следующем этапе останется расколотым.

Слово «нацист» теперь потребует в русском языке очень долгой семантической очистки. Вообще смысл всех слов, связанных с нацизмом и антинацистским сопротивлением, придется «чистить» и заново выстраивать преподавание соответствующих разделов истории в школах и институтах.

Всякий раз, когда при мне произносят лозунг, придуманный Алексеем Навальным, «прекрасная Россия будущего», я говорю, что все-таки Россия, если она и сохранится как государство или даже если она распадется на несколько государств, не будет прекрасной, а только такой, какой мы ее сделаем.

Поэтому очень важны основания для солидарности. Это должно быть такое представление об обществе, в котором ценность того, что ты делаешь, обуславливается не историческим прошлым, а тем, что с тобой происходит здесь и сейчас, тем, что ты сделал в своей жизни.

Все эти бесконечные пилотки в школе, в детских садах — это не только должно быть оставлено в прошлом, а должно смениться на нечто прямо противоположное, на другой способ общения с детьми, с подростками и так далее, на обучение критически мыслить об окружающем мире.

Иван Курилла, специалист в области исторической памяти, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Язык, который был создан во время войны с фашизмом, четко определял: вот добро, вот зло. Главный рассказ о Второй мировой войне — это о том, как появилось абсолютное зло, нацизм, и о том, как коалиция стран его уничтожила, и Советский Союз был частью этой антигитлеровской коалиции. Несмотря на то, что сам Советский Союз был страной несвободной, он был на правильной стороне — вместе с демократиями против абсолютного зла. Воевал и победил вместе с Англией, вместе с Соединенными Штатами.

Это было важной частью той картины мира и того языка. И если сейчас его используют, чтобы своих нынешних врагов назвать этими же словами, то у этого использования есть оборотная сторона.

Оборотная сторона в том, что уже завтра, в историческом масштабе, эту войну назовут тем, чем сейчас она является. В этот момент весь язык, который был так яро использован пропагандистами в последние годы (это началось с 2014 года, когда впервые про украинцев стали писать, что они плохие

карател и, а Донбасс — это хорошие ополченцы), вот это все опрокинется на войну Вторую мировую.

Поскольку сейчас окажется, что на той стороне вовсе не абсолютное зло, насколько люди будут продолжать верить в то, во что верят, и насколько возможно будет использовать этот язык при разговоре о Второй мировой войне? Я думаю, это будет невозможно. Эти же слова будут означать что-то другое, и это разрушает всю ту историческую картину мира, на которой несколько десятилетий строилась идентичность россиян и советских людей, если с Брежнева начинать.

То, что происходит — это как раз крах попытки построения идентичности, которая началась после распада Советского Союза. Обратите внимание, в последние недели резко выросло использование советских символов. Мы видим, что в Украине российские войска красные флаги используют, где-то Ленина восстановили.

9 Мая я вышел посмотреть на «Бессмертный полк» и поразился, как резко увеличилось по сравнению с 2019 годом количество флагов Советского Союза. Флаги, свитера с надписью «СССР» или «Рожденные в СССР». Сталина, кстати, раньше много было, а в этот раз мало. Видимо, его как-то более строго отслеживают и запрещают, не знаю. Такое впечатление, что люди в момент, когда Россия воюет в Украине, готовы скорее представлять себя гражданами Советского Союза. Идентичность советская вдруг оказывается более важной, чем постсоветская, несформировавшаяся.

«Бессмертный полк» в Москве, 9 мая 2022 года. Фото: Denis Tyrin / AP

Если посмотреть на мемориальную картину мира, вокруг нас стоят и монархические памятники: там восстановили царя, вокруг Кремля — сплошной монархический теперь Александровский сад, а чуть отойдешь — стоит Ленин. Рядом могут быть революционеры и цари, белые и красные, где-то Колчак стоит, где-то до сих пор Чапаев. Эта эклектичность отличала Россию последние 30 лет, что вообще редко случается. Обычно эклектичность означает, что переход не завершен. И за эти годы он не завершился. А то, что происходит сейчас — это отказ от нынешней эклектичной идентичности. Отказ в пользу чего-то, что людям кажется более цельным.

Более цельной, особенно в условиях войны против соседа, оказывается советская идентичность, потому что, ну да, это Советский Союз, причем где-то при Сталине, когда он присоединил Западную Украину, Западную Белоруссию, Прибалтику. И людям кажется, что та символика лучше отражает то, что происходит сегодня. А та идентичность, которую строили 30 лет, она, очевидно, сейчас полетела куда-то кувырком, ее уже не будет.

Я думаю, что это закончится поражением российской армии, и надеюсь, что закончится поражением нынешнего режима. И тогда тем более придется какую-то новую идентичность россиянам создавать.

Даже если это не закончится прямо поражением, а стагнацией, то все равно [нельзя] вернуться к тому представлению о стране, уже сейчас оно меняется. Сейчас оно меняется в сторону советизации, а вот куда будет меняться после поражения, пока сказать трудно. Но тоже куда-то изменится.

Ян Левченко, культуролог, PhD, бывший профессор Высшей школы экономики

Происходящее сейчас связано с тем, что наследие Победы не проработано. Сейчас Россия, где бушует ресентимент, затопивший ее коллективное бессознательное, да и сознание тоже, продолжает тянуть воображаемое одеяло на себя, крича: «Это я, это мое, это я главная, вы должны меня уважать, я победила всех, и сейчас я у всех отниму игрушки, сейчас я растопчу ваши песочные замки». Это все очень инфантильно выглядит, к сожалению, но имеет чудовищные, совсем не инфантильные последствия в соседней стране, на которую Россия напала.

Победа в данном случае — это единственное, что Россия себе оставила в качестве символического капитала. Обратите внимание, что ничего не осталось: ни полета Гагарина в космос, ни нефтеразведки, ни ВАЗа, ни КАМАЗа. Никто не хочет помнить про орошение пустыни, хотя тогда это было очень важно — хлопковая история Советского Союза в Центральной Азии.

В России сейчас осталась только Победа, которая понимается как очень абстрактное, безадресное деяние. [Как] победа над всем миром. Россия придумывает с [чистого] листа мифологию, которую

не стесняясь проводит в жизнь в качестве своей базовой повестки. Победа, о которой сейчас говорят, никакого отношения к тому, что произошло 8 мая 1945 года, когда нацистская Германия подписала капитуляцию, не имеет.

Страшно думать о том, что наступит в момент отрезвления. Есть альтернатива, как мне кажется, более реалистичная, чем образ извиняющегося, ползающего на коленях в слезах человека, до которого дошла вся глубина его падения. Я думаю, что все будет, наверное, не так. Потому что есть инстинкты самосохранения, есть элементарная бытовая подлость, способы выживания.

Я думаю, те люди, которые сейчас подпевают происходящему и даже являются его авторами, которые пишут соответствующие тексты, [в итоге] просто сделают вид, что это были не они. Будет как в перестройку в поздние советские годы, когда люди, которые ходили под КГБ и Андроповым, внезапно стали демократами и прогрессистами.

Связано это с тем, что большевикам удался проект полной расправы над общественной моралью. Хоть и не везде — не удался в западных областях Советского Союза, таких как Закарпатье, скажем, Бессарабия, Западная Беларусь и страны Балтии. Потому что их оккупировали уже после Второй мировой войны. И когда распад Советского Союза случился, еще живы были люди, которые помнили, как бывает, когда страны выбрали самостоятельный путь развития.

Российская Федерация оказалась в наихудшем положении: память о прошлом была выкорчевана,

а страной продолжила управлять та же номенклатура, которая управляла Советским Союзом. Советский Союз не был социалистическим государством, он просто так назывался. На деле это было оппортунистическое государство монополистического капитализма. Это такое мафиозное государство-изгой, типа Северной Кореи, только очень большое. И Российская Федерация не до конца вылезла из этого консенсуса, чтобы опять в него рухнуть.

[Мы наблюдаем] полное отсутствие представлений о том, что с кем-то за пределами страны нужно договариваться, заботиться о своей репутации, о том, как ты выглядишь в глазах других, думать, как ты существуешь в ансамбле других государств, как ты с ними взаимодействуешь. Отсутствие представления о том, что это необходимо, сыграло свою разрушительную роль в том, как Россия себя в итоге повела.

Было представление в 1990-е годы, что нас сейчас поставили на колени, но это временное явление, мы поднимемся, окрепнем и покажем всему миру, чего стоит русский наш кулак. Это мы и получили. Когда людям наконец будет нечем крыть и они вынуждены будут признать, что все, что происходило в Украине, [происходило] с их попустительства или по их приказам, они скажут: «Ну, свечку поставим, покаемся и будем жить дальше». Примерно так все будет, сдается мне.

Из этого можно сделать вывод, что последствия [войны] будут самые бытовые, самые печальные — полное отсутствие последствий. Все скажут:

«Мы, конечно, немножко виноваты, но вы должны отнестись к нам с пониманием».

О том, что так будет, скорее всего, свидетельствует нынешняя общественная дискуссия вокруг отмены русской культуры. «Вот все теперь отменяют русскую культуру, а культура не виновата». Мне всегда хочется сказать в ответ на это: «А может быть, помолчать немножечко? Может быть, сейчас просто подождать, пока ракеты перестанут лететь в мирные украинские города?». Нет, ждать — не наш путь. Говорят: «Мы хотим, чтобы нас простили сейчас. Мы носители русской культуры. Мы ни в чем не виноваты и продолжаем заниматься культурным строительством». Это свидетельствует об индифферентности к окружающим. Вот поэтому я и думаю, что последствий особых не будет.

Буква *Z*, бабушка с флагом и мальчик Алеша: как пропаганда выбирает символы войны?

Илья Кукулин

Формирование этих символов — процесс, который тоже состоит из двух циклов. Проблема в том, что нынешние политические элиты России выросли в 1970-е годы. Именно тогда они были подростками, учились в институте и запомнили это как прекрасную молодую пору жизни. Те годы были временем, во-первых, очень циничным, во-вторых, это было первое в истории Советского Союза время, когда шли непрерывные ссылки на правоту старшего поколения.

В 1920—1930-е годы в СССР был практически официальный культ молодости. Считалось, что старики выросли при старом режиме и должны перестраиваться, а молодежи перестраиваться не нужно. В 1970-е ситуация стала совершенно обратной. Эта трансформация нуждается в объяснении.

В 1964 году в Советском Союзе пришел к власти Леонид Брежнев. Тогда же Вторая мировая, точнее, Великая Отечественная война была объявлена главным событием в истории СССР. И пропаганда объявила поколение Брежнева (напомню, он был 1906 года рождения) людьми, которые выиграли войну, а стало быть, априорно правы.

Сейчас, по мере старения политических элит, которые вышли на авансцену в 1990-е годы, они отыгрывают все ту же пластинку про априорную правоту старших поколений. Это идет по второму разу и немножко в режиме «я вам покажу, чего я запомнил 40 лет назад». Именно поэтому эту бабку превратили в символ. Еще, конечно, это эффектный пропагандистский образ, но важно, что это бабка.

Незадолго до войны известный Вася Обломов записал превосходную песню «Старикам здесь место». Про то, что Россия — это царство стариков, в котором истребляют молодежь. Я очень удивился, что эта песня так мало срезонировала. Как политический сатирик, человек с очень хорошим чутьем, он тренд почувствовал очень точно. Мало того что [в России] не произошел переход к префигуративному[1] обществу. Наоборот, все больший акцент на правоте старших. Именно поэтому «бабушку с флагом» превратили в символ.

Понятное дело, что эта бабушка вызвала уж больно большое сопротивление, потому что и над памятниками издеваются, и сама она оказалась других мнений, чем те, которые ей приписывала пропаганда. Поэтому про нее, вероятно, теперь будут писать меньше. И срочно нужен какой-то персонаж, который радуется появлению российской армии.

Важно, что здесь действует логика интернет-мема. Выбирают какой-то яркий, запоминающийся образ, который быстро подействует на аудиторию. Нашли [мальчика Алешу]. Я думаю, что будут использовать разные мемы для того, чтобы показать поддержку армии со стороны российского общества. Тем более что после недавних поражений демонстрация такой поддержки для прогосударственных медиа очень нужна.

Скульптор во время изготовления фигуры бабушки с советским флагом. Фото: Эрик Романенко / ТАСС

Что касается *Z*, то первоначально это была маркировка танков и орудий. Вопрос — почему это так пошло? Во-первых, это простой знак. Во-вторых, он очень агрессивен в своем начертании. Если вы вспомните, как Зорро рапирой вырезает эту самую букву *Z*, это очень агрессивный жест. Он не похож на свастику, потому что за свастикой был длинный псевдонаучный мифологический ореол. Теоретики нацизма объясняли, что это солярный символ, который указывает на связь германцев и древних ариев, на древность германцев и также на их вечную готовность побеждать в битвах.

Символ *Z* гораздо проще, за ним не стоит никакой определенной мифологемы. Он указывает на связь двух вещей — насилия и солидарности: «Мы все, которые рисуют знак *Z*, солидарны с властями и с той страной, которая осуществляет насилие, и с теми людьми, которые поддерживают это насилие». Это похоже на свастику в том смысле, что это знак агрессии.

Эта *Z* торчит из любых слов, которые показывают их перекраску на новый лад поддержки войны. И она очень хорошо узнаваема. С одной стороны, мы все знаем, как эта буква читается. С другой стороны, она чужеродная, но эта чужеродность как раз и показывает, что это сознательная замена буквы в языке и превращение его в язык, который самим своим внешним видом демонстрирует поддержку агрессии.

Одна моя знакомая проницательно заметила, что знак *Z* напоминает положенный на бок вольфсангель,

то есть знак, который использовали украинские националисты из батальона «Азов».

У нас сейчас в руководстве очень много людей, которые придерживаются мифологической картины мира. Возможно, это идея мифологической апроприации этого символа у тех, кого они считают своими главными врагами. Как во время Гражданской войны белогвардейцы и красноармейцы пели песни на одни и те же мотивы, крадя их друг у друга.

Иван Курилла

Символ живет своей жизнью. Уже неважно, насколько он отвечает тому, из-за чего его поставили. Когда памятники ставят или сносят, люди приписывают тем, кому поставлен памятник, какие-то свои, важные им идеи. Ленина где-то сносили в 1991 году, потому что с коммунизмом боролись. А где-то его сносили позже, особенно украинский «ленинопад» в 2013—2015 годах, это его сносили уже как символ скорее российского империализма. Ленину приписывают в одном случае коммунизм, в другом случае — российский империализм.

Иногда это может совпасть в какой-то степени с тем, что думали люди, которые памятник устанавливали 50 или 100 лет назад. А во многих случаях нет. [Например] односельчанину, который ушел на войну и не вернулся. А сейчас этот памятник сносят, потому что он символизирует рабство и расизм. Понятно, что в глазах тех, кто ставит, и в глазах тех, кто сносит, это разные вещи.

Так вот и эта бабушка. Неважно, что она на самом деле имела в виду, уже неважно, что она говорила украинским солдатам сначала и что потом — важно, что она уже превратилась в символ. Она сама вполне жива и что-то продолжает говорить, но в качестве символа ее используют, невзирая на это.

Насчет мальчика Алеши мне не очень есть что сказать, разве что две вещи: ребенок и имя Алеша («Стоит над горою Алеша...» и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», особенно второе по смыслу) — это тоже эксплуатация образов Великой Отечественной войны.

контент по ссылке

Telegram

Парфенчиков|Карелия

Баннер с изображением Леши Павличенко из Белгородской области разместили на фасаде нашего универмага Карелия. Восьмилетний парнишка в танкистском шлеме в одночасье для всей страны стал символом поддержки наших ребят на Донбассе.- Леша учится в первом классе и мечтает стать военным. Каждый день после школы он выбегает на улицу встречать колонны российской военной техники. #СпасибоЛеша

https://t.me/AParfenchikov/295

Сравнивать можно что угодно с чем угодно. Значение символа — в глазах смотрящего. До 24 февраля 2022 года никто в букве *Z* свастику не видел, а потом она сразу стала выглядеть как ее часть. Очевидно, что это проекция. Это не значит, что это «на самом деле» хороший знак. Очевидно, что в нем можно увидеть эту половинку свастики, как некоторые делают. Но мне кажется, дело не в этом.

Буква *Z* стала символом российской агрессии. Первая ассоциация — «Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Знаете, стихотворение, которое все советские дети, и я в том числе, помнили. И вот 24 февраля Киев бомбили, объявили, что началась война. Только мы теперь на той стороне, которая бомбит. Мы те фашисты, которые в 1941 году напали на нас.

Я тоже пытался найти эти *Z*. В «Бессмертном полку» их было мало, на параде в Москве и Петербурге на технике буквы *Z* не было. В регионах было больше, но, видимо, не очень удачно этот символ зашел. Его сравнение со свастикой и вообще его неприятие оказалось, видимо, таким большим, во всяком случае в Москве, в Петербурге, что власти решили его не продвигать дальше сильно. Была другая попытка — белые повязки, но их сравнили с теми, что коллаборационисты повязывали, и тоже пропали белые повязки. Поиск символов со стороны государственных пропагандистов идет, но пока, видимо, не очень удачный. Возникает место, и заполняется красными флагами.

Какая-то нужна символика того, что мы теперь другие. Раз мы воюем с соседней страной, значит, идентичность наша тоже уже поменялась. Мы уже не те, что были полгода назад. «Мы» — я обобщенных россиян, конечно, имею в виду или тех, кому нужен такой символ. И вот красный флаг оказывается наиболее, видимо, часто приходящим на ум людям. Во всяком случае, это ассоциация с великой державой, которая только расширялась. Если встать на позицию простого, неискушенного человека, это же хорошо, что твоя страна растет. Мы и дальше растем. Примерно так. Красный флаг — это хорошо.

Ян Левченко

Неважно, что в интервью говорит эта бабушка, Анна Ивановна. Официальную Россию совершенно не интересует, кто эта женщина. Главное, что она оказалась на улице с красным флагом. Неважно, откуда она вышла, куда пошла. Важно, что ее сняли на видео и теперь можно эксплуатировать эту образную систему. Дело уже сделано. Вы можете сколько угодно выступать с разоблачениями и комментариями в адрес тех, кто эксплуатирует образ бабушки Ани. Это не приведет ни к каким последствиям, к ним приведет истощение российского военного арсенала, смерть главнокомандующего, не знаю еще что. А это уже сделано. Пропагандистская машина работает, а пропаганде вообще-то реальность противопоказана. Делается это затем, чтобы продемонстрировать, что народ освобожденной Украины благодарит освободителей и поднимает знамя советской Победы над поверженным врагом. Пропаганда должна быть плотной завесой бреда. Если бы бабушки Ани не

существовало, ее следовало бы придумать, но она существовала, она есть в реальности. И это плюс для тех, кто ее создал.

С мальчиком, бегающим встречать российскую бронетехнику, та же история. Детей эксплуатируют, потому что они ничего сделать не могут и, как старики, не понимают, что происходит. Символы в виде детей и стариков совершенно уместны для инфантильного сознания этой войны. Они являются его воплощением вне зависимости от возраста участников боевых действий. Это наглядная иллюстрация присловья «и стар и млад».

Это очень хорошо, что мальчика зовут Леша. Это имя собирательного русского солдата. Я думаю, что когда Маргарита Симоньян и ее подчиненные занимались поиском детей-кандидатов, они, наверное, хотели найти «нормального», «человеческого», разумеется, русского мальчика Алешу, как иначе. А не, например, девочку Мириам, которая тоже теоретически может жить в Белгородской области.

Насчет букв. Россия использует *Z* и *V*, ярко выраженные латинские буквы, которые не имеют графического эквивалента в русском алфавите, и это уже делает эти символы весьма двусмысленными. Но то, что это похоже на индийский солярный символ, который спекулятивно использовался нацистской пропагандой начиная с 1920-х годов в Германии и за ее пределами, и то, что буква *Z* — это половина того известного символа, обнаруживает очень серьезный прокол. И иначе это воспринять невозможно. Окрасить ли ее в цвета георгиевской ленточки, российского триколора или нет, это все

равно так выглядит. Может, так и было задумано? То есть нацистами надо взаправду восхищаться, называя себя их победителями?

Та же двусмысленность и в использовании [пропагандой] образов Балабанова. Балабанов был режиссер-трикстер. Он специально провоцировал и тех и других, и пятых и десятых, и либералов, и патриотов и смотрел, что будет. Ему это нравилось. Он был очень талантливым человеком, который мог удариться об порог и стать своей противоположностью. И потом с мрачным глубокомысленным видом спрятаться в углу и наблюдать, как дерутся те, кто выясняет, что же Балабанов имел в виду.

Это было бы смехотворно, если бы не было так чудовищно. Глупо, неимоверно глупо, но, видимо, как раз это эффективно, потому что распахнутая, открытая глупость обезоруживает. И в этом смысле, наверное, пропагандистская символика работает, потому что она до такой степени позорна, настолько очевидно себя разоблачает, что многие просто стоят, опустив руки плетьми вдоль туловища, смотрят на это все и спрашивают: что происходит?

В этом смысле символика выбрана, наверное, грамотно, она всех заворожила. Она очевидно отсылает к вышеупомянутым образным системам, но вроде и не отсылает: «А у нас другое, потому что мы святой народ, мы народ-богоносец, нам можно. Мы очень страдали. Весь мир против нас. Поэтому мы все это делаем. Мы можем себе это позволить. Вы хотите спросить нас: можете ли вы себе это позволить? Мы говорим: да. Всей своей жизнью, всей

своей недавней историей мы отвечаем положительно на вопрос: "Можно ли было докатиться до такого?". Можно».

Путин винит Ленина в «создании Украины», а российские войска восстанавливают памятники Ленину, снесенные украинцами: нет ли тут противоречия?

Илья Кукулин

Восстановление памятников Ленину — знак возврата к прежнему советскому порядку, который ассоциируется у многих современных людей — во всяком случае, в России — с временами стабильности и благополучия. Это восстановление как бы правильной советской жизни. Раз «освободили от нацистов», то надо восстановить памятник Ленину. Если поставили памятник Ленину, то освободили именно от «нацизма» — опять проигрывается матрица Второй мировой войны, не столько реальной, сколько изображенной в советских фильмах и книгах.

У Путина, по-видимому, идея фикс, состоящая в том, что Украина — это якобы не настоящее государство. Он об этом говорил на протяжении многих лет, он об этом говорил Джорджу Бушу — младшему, когда тот был президентом США. Ему нужно было найти кого-нибудь виноватого в том, что эта самая Украина существует в ее нынешних границах.

Отчасти это происходит оттого, что нынешние власти, повторяя 1970-е годы, воспроизводят тогдашний тренд ползучего сталинизма, когда можно было хвалить Сталина, но не публично, а между собой в компании, за то, что он твердой рукой окоротил излишне зарвавшиеся национальные меньшинства. Следовательно, тот, кто им дал волю излишне, то есть Ленин, был не совсем прав.

Восстановленный памятник Ленину перед зданием горсовета в Новой Каховке, 30 апреля 2022 года. Фото: УНИАН

С другой стороны, Ленин же основатель того государства, которое существовало в 1970-е годы, и памятник ему маркирует советскость этого пространства. Законы психологии и та предыстория, которую я рассказывал, приводят к тому, что оккупанты начинают воспринимать эту территорию как советскую. Мы ни на кого не нападали, мы не оккупанты — вот это двойное движение согласия-отрицания приводит к некоторым побочным эффектам.

Иван Курилла

Во-первых, [памятники Ленину] не лично Путин восстанавливает. Можно объяснить тем, что это противодействие: раз украинцы сносили, мы

символически восстановим. А с другой стороны, Путин, насколько можно понять, Ленина не любит. Ленин — революционер, а Путин — контрреволюционер во всех смыслах, то есть на всю историю распространил контрреволюцию. И поэтому Ленин для него антигерой. Он не часто про это говорит, потому что не очень, видимо, хочет коммунистов раздражать.

Мы видим с вами сейчас сюжет, что людям легче ассоциировать себя с Советским Союзом. Это тоже миф уже: половина населения [России] Советского Союза не помнит и не жила при нем никогда.
А те, кто жил, тоже уже забыли и додумывают, мифологизируют. Но все-таки [есть] представление, что это скорее Советский Союз вот так себя должен вести. Раз Советский Союз, то, кроме красного флага, какие еще символы? Ленин.

В 2015 году, когда первый шаг был сделан, произошла аннексия Крыма, прошла стихийная ресталинизация. Вдруг стали ставить памятники Сталину по всей стране. Сразу было больше десятка параллельных историй, это только те, что попали в федеральные СМИ. Памятники ставили в нескольких городах, улицы именем Сталина называли. Я уже тогда связывал это с тем, что раз уж Россия начала аннексировать территории, это как бы возвращение сталинского Советского Союза.

Историческое объяснение, которое Путин сам предлагал: священный Херсонес, там была колыбель христианства. Это гораздо дальше, чем Сталин. И Сталин стал возникать везде.

При всей политике, направленной на восстановление Советского Союза, я так понимаю, что Путин ресталинизацию не одобряет. Тут у него есть какое-то свое отношение. И вдруг в августе 2015 года из-под сукна достается старый законопроект, который несколько лет лежал без движения, об увековечивании памяти жертв политических репрессий. Сразу делают закон, потом устанавливают памятник в Москве жертвам политических репрессий. Явно посылают такой сигнал всем этим чутким чиновникам среднего уровня: Сталин — персона нон грата, а мы чтим память репрессий.

В этом году идет явная советизация, все используют советские символы, красные флаги, Ленина, но не Сталина. Его нет, не ставят памятник Сталину в связи с этим, в отличие от 2015 года, не появляется таких инициатив. Даже Волгоград в Сталинград не переименовывают. Вообще это затихло. Местные власти еще недавно Донецк предлагали в Сталино переименовывать «по праздничным и памятным дням», и это тоже никто не вспоминает. Я думаю, что есть какой-то административный запрет на Сталина. Сталина нет, но от Советского Союза остался Ленин и остался красный флаг. Вот их и используют.

Ян Левченко

Дело в том, что Ленин — символ советской эпохи, которую пытается восстановить современная Россия в лице ее руководства. Советская эпоха однозначно маркирована положительно. Поэтому совершенно неважно, что Ленин делал в реальности, что говорил, что писал. В позднесоветские годы тоже было не принято заглядывать в его собрание сочинений,

выискивать какие-то места. У католиков есть краткие выжимки из Библии, которые позволяют дать простые ответы на непростые вопросы. Это называется катехизис. Вот так же выглядели сборники цитат классиков марксизма-ленинизма. Там, как из фильма «Брат», из контекста были вырваны какие-то цитаты.

Как только человек открывал полное собрание сочинений Ленина, он понимал, что все гораздо сложнее, разбираться в этом тяжело и можно вообще-то посвятить этому жизнь. А пропаганда совершенно в этом не нуждается. Поэтому Ленин — это просто символ советского времени, и если украинцы его снесли в поисках своей собственной идентичности, то Россия логично восстанавливает Ленина, снесенного украинцами, потому что она отрицает идентичность украинцев и субъектность Украины как государства. Присутствие Ленина — это присутствие советской власти на оккупированной территории.

Акция «Огонь памяти», строительство главного храма Вооруженных сил России: зачем власть скрестила военную и религиозную символику?

Илья Кукулин

Гражданская религия в России оказалась переведена властями и политтехнологами в сотрудничестве из диффузного состояния, в котором она пребывает в здоровом обществе, как сегодня сказали бы, в обществе здорового человека, в состояние

государственной квазиидеологии. Очень важно, что это не идеология в традиционном смысле слова, а некоторая система взглядов, которая нужна для оправдания исключительности государства, исключительности его миссии в мире, но при этом нигде не проговаривается как последовательный нарратив.

В 1970-е годы отказ от ответственности за идеологию приводил к бесконечному накручиванию бесконечно сложных грамматических конструкций. А сейчас никакой формально идеологии и нет, но реально она есть. Просто новая, неклассическая идеология, которая во многом имеет черты гражданской религии, но принудительной и законодательно оформленной по краям. Нельзя делать то и то, но не говорится, что нужно делать.

Резервуаром образности для этой новой религии является православие, причем не вселенское православие, а такая очень служебная и законсервированная форма, которая выработалась в 1960-е, 1970-е и 1980-е годы в Советском Союзе, когда православие стало религией очень консервативной и скрыто поддерживающей советский режим, который все больше опирался на русский национализм, который, в свою очередь, апеллировал к ценностям православия, понимаемого, однако, не как универсалистская религия, а как национальная религия русских. Ты православный, значит, ты русский; быть русским, значит, православным. И вот именно такое православие, понятое как родовая религия, с какими-то преданиями, дошедшими еще с дореволюционный поры, стало резервуаром образности, источником знаков для этой новой

гражданской религии. И все. Эти образы берутся из сильно идеологизированных и перетолкованных еще в 1970-е годы воспоминаний о войне и из этого сильно суженного православия.

Иван Курилла

Почти все ритуалы копируют так или иначе религиозные ритуалы. Сначала две тысячи лет только религия занималась символикой по большому счету, а потом светские государства начали этим заниматься.

Светские государства делают то, что раньше делала религия, то есть устанавливают праздники. Раньше праздники были только религиозными, сейчас есть светские.

Раньше только религия размечала пространство. Поставили церковь, часовню — это священная разметка пространства. А потом появились светские государства и стали ставить памятники, называть улицы именами светских людей, а не по именам святых. Государство стало замещать и использовать то, что раньше делала церковь.

Ритуалы в основном — это ритуалы, заимствованные у церкви или язычества. А у нас же теперь есть священная память о Великой Отечественной войне. Раз она священная, то и ритуалы квазирелигиозные.

Ян Левченко

Российская власть восхищается на самом деле не дореволюционной, имперской властью, хотя и делает

вид, но больше всего ее завораживает как раз нацистская эстетика.

Я вспоминаю начало фильма Лени Рифеншталь «Олимпия», посвященного Олимпийским играм в Берлине в 1936 году. Там с горы Олимп эстафетный огонь несут в Берлин и зажигают на Олимпийском стадионе в одноименном районе на юге города, где был построен этот огромный комплекс архитектором Шпеером. Там очень наглядно показано, как огонь передают из рук в руки, как вся Европа зажигается олимпийским огнем — через год она зажжется в действительности, потому что Германия нападет на Польшу. Российская власть это бессознательно воспроизводит. А может быть, вполне сознательно. Многие обеспеченные люди в России коллекционируют форму, оружие, ордена, фалеристикой нацистской занимаются, да и не стесняются этого.

И поскольку православие в России служилое еще со сталинских времен, то и огонь имеет военные, а не богословские коннотации. Православию в погонах все эти тонкости по разделению огня сатанинского как материального и огня божественного как духовного, внутреннего, мне кажется, малоинтересны. В светском ритуале, частицу которого принесли в храм, огонь материален, там никаких духовных сложностей нет, чистая сервильность и милитаризм.

Храм Вооруженных сил России в Кубинке. Фото: Сергей Карпухин / ТАСС

Если все, что связано с победой во Второй мировой, имеет для российских властей сакральный характер, то почему государство так мало помогает ветеранам?

Илья Кукулин

Дело в том, что вся эта идеология Победы скрыто опиралась и опирается сейчас на представление о людях как о расходном материале. Как говорил маршал Жуков, «бабы новых нарожают». Когда начинают различать людей в этой массе, выясняется, что этим людям не хватает элементарных удобств. Почему? Вопрос этот задавать не принято и неприлично. Сначала Запад нас мучил холодной войной, потом были лихие 1990-е, потом еще что-нибудь. Всегда есть ответ.

Предполагается, что выражать свою субъектность наследника победителей нужно совершенно противоречивым способом: одновременно поддерживая ветеранов, не спрашивая, почему они так плохо живут, просто донатить, а второе — поддерживая агрессию. Это многие люди отмечали, это не мое наблюдение.

Была знаменитая статья на «Медузе» известного журналиста (я не во всем с ней согласен), который разговаривал с людьми, оболваненными пропагандой. Он тоже обращал внимание, что люди говорят совершенно противоположные вещи именно потому, что пропаганда говорит противоположные

вещи: «русские и украинцы — один народ», «украинцы — нацисты». Там много всего.

В некотором смысле нынешняя российская пропаганда переплюнула Оруэлла, потому что сообщается, что война — это одновременно и мир, и война, в зависимости от ситуации, в зависимости от говорящего. Во-первых, противоречия присущи современной российской пропаганде, уже даже никто внимания не обращает. Во-вторых, она не функциональна. Ветераны — это одно, а победа в войне — другое. И логическую связь тут простраивать не предполагается. Люди, склонные к простраиванию логических связей, в последнее время все чаще перемещаются то в Ереван, то в Вильнюс, то еще куда-нибудь. Если они находятся в России, то, как правило, боятся высказывать свое простраивание логических связей, а то это до добра не доведет.

Есть понятие *double bind*, которое придумал великий американский философ, психолог Грегори Бейтсон. *Double bind*, то есть двойная связь — это такой способ разговора с человеком, при котором ты одновременно подаешь ему противоречащие друг другу сигналы. Например, когда человек со злым лицом говорит, что мы будем бороться за мир до последней капли крови.

Бейтсон рассматривал случаи, когда это возникает в результате бессознательных проблем матери при общении с ребенком. Когда, например, женщина говорит ребенку: «Я тебя люблю», но очень холодным тоном и отстраняясь. Бейтсон предполагал, что подобного рода способ обращения с ребенком может стать триггером для развития шизофрении. Это была одна из его больших нашумевших идей.

Так вот, *double bind* в человеческой жизни встречается постоянно, и мы часто (потому что у каждого из нас есть конфликты в бессознательном) используем это в общении с другими людьми. Нам могут обратить внимание на эти противоречия. Мне кажется, что это чуть ли не первый случай в истории, когда *double bind* используется как пропагандистский прием, не то чтобы сознательно, но как бы эмпирически последовательно. Люди знают, что этим можно пользоваться.

Отчасти по приемам, может быть, ничего нового и нет. Новое в этом — отсутствие оформленной идеологии, потому что за нее никто не хочет брать на себя ответственность. Потому что это требует принять ответственность за все те шаги, которые из этой идеологии следуют. Нынешние политические элиты все время мечтают о ситуации «я в домике», когда они могли бы не брать на себя ни за что ответственность. А идеология, повторяю, это последовательный некоторый нарратив, который требует, чтобы ты, сказав «а», говорил «б», а они не хотят.

Еще очень боятся, что это будет слишком похоже на фашизм, уже многие обращают внимание на

сходство риторики Путина и риторики Гитлера при нападении на Польшу. Все-таки не хочется совсем уж как-то совпадать с Гитлером, если ты пользуешься, извините, лозунгами антинацизма. Это не забота о репутации, это скорее забота о том, чтобы быть белыми и пушистыми. Ну да, репутация, но репутация не в глазах западных лидеров, на которых наплевать, а скорее в глазах какого-то западного общественного мнения, с которым все-таки еще пытаются как-то работать. А может, это просто действие привычки, не знаю.

Путин, безусловно, давно хотел напасть на Украину. Но никто не рассылал в детские сады секретные директивы надевать на детей пилотки и учить с ними милитаристские песни. Это произошло в результате системного действия целого ряда факторов. Как писала Оля Филина из «Огонька», в России патриотическое воспитание понимается только как военное. И это тоже идет с советских времен.

Падение легитимности таких режимов, как нынешний российский, обычно приводит к тому, что они начинают войну с внешним врагом, стремясь эту легитимность себе вернуть. Обычно они в этой войне проигрывают, но тем не менее.

Я последнюю неделю перед войной все время вспоминал книгу питерского историка Олега Кена «Мобилизационное планирование и политические решения». Там есть гениальная формулировка: «Нельзя сказать, что Советский Союз в конце 1930-х шел к войне — Советский Союз вползал в войну». Ровно это и происходило с Россией в последние годы.

Вся нынешняя пропаганда была направлена на то, чтобы люди не чувствовали своей субъектности, чтобы люди чувствовали, что они ничего не могут в жизни. Именно это надо будет переламывать. Российское телевидение работало на это 24 часа в сутки и работает сейчас.

Ситуация, при которой ты считаешь, что от тебя ничего не зависит, поэтому машешь рукой на все, что происходит, эта ситуация является одной из целей того, что делают нынешние власти. Поддаваться этому настроению не надо. Мы могли что-то делать, но, возможно, мы не могли предотвратить войну, к сожалению. Но наше бессилие в настоящем не означает бессилия в будущем.

Иван Курилла

Использование имени ветеранов очень популярно, когда всякие местные власти хотят что-то сделать сами. Несколько лет назад аэропорты переименовывали. Во многих случаях, может, даже во всех, губернаторы говорили: «А вот ветераны хотят вот так». Почему ветераны, с чего? Почему на них ссылаются? На самом деле, уже бы оставили людей в покое, потому что требовать от столетних людей

высказываться по поводу вопросов, которые им не интересны, не нужны, мне кажется, неправильно.

Если у нас до сих пор до ста лет дожившие ветераны нуждаются в чем-то бытовом, значит, забота о ветеранах все эти годы была недостаточная и неправильная. Больше скорее показушная. Никого, наверное, не удивит, если мы скажем, что больше было рекламы и пиара, чем реальной помощи.

Ян Левченко

Российская власть эксплуатирует Победу. Ей абсолютно наплевать на ветеранов, которые в реальности еще остаются. Неслучайно уже в 2005 году, когда было 60-летие Победы, проходил ряженый парад на Красной площади. Ехали люди в перепутанной форме: галифе НКВД, китель других войск и так далее. Всех там наугад нарядили, надели на них какие-то медали беспорядочно. Это выглядело глупо и жалко.

Казалось, что, пока не поздно, надо избавляться от этих химер, потому что Россия идет не туда. Это был 2005 год, сейчас мы с вами говорим в 2022 году. И все только ухудшилось. В этом направлении шло мощное крещендо деградации. Потому что и тогда уже, судя по тому параду, сами ветераны никого не интересовали.

В России довольно много людей, интересующихся историей, фалеристикой, военной историей. В *LiveJournal* тогда возмущенно писали, что все перепутано, что все не так. Ну кто их слушал? Военно-историческое общество, председателем

которого был и остается экс-министр культуры Владимир Мединский, известный пропагандистский писатель, говорило: «Ребята, все нормально, все под контролем. Нам главное — создать классное шоу. Его ставили лучшие хореографы России, и оно выглядит впечатляюще, целевым группам нравится».

То, что ветераны в нищете умирают, государству совершенно не интересно. Социальными вопросами оно озабочено только в популистских целях, а не чтобы действительно людям что-то обеспечить. Продемонстрировать это и сыграть на этом, увеличить символический капитал за счет демонстрации дешевого превосходства — это российская власть делать умеет. А все остальное ее совершенно не интересует, оно ей не надо.

Редакторы: Агата Щеглова, Дмитрий Ткачев

---

1. В префигуративном обществе знания и навыки передаются не от старших к младшим, а от молодежи — к более пожилым и опытным членам общества.